

Нордау Макс

**Движения человеческой
души**

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М17

М17 **Макс Н.**
Движения человеческой души: Рассказы / Нордау Макс – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 200 с.

ISBN 978-5-521-25674-7

ISBN 978-5-521-25674-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Однообразіе черныхъ фраговъ мужчинъ пріятно нарушалось многими пестрыми баварскими и прусскими офицерскими мундирами.

Хозяйка дома была еще красивой женщиной, съ роскошными бѣлокурыми волосами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица, почти не утратившимъ своей прозрачности. За столомъ, съ правой стороны ея, сосѣдомъ былъ пожилой генералъ, со множествомъ орденовъ, который былъ хорошій ѣдокъ и очень плохой собесѣдникъ. Онъ переносилъ взглядъ отъ своей тарелки на красивыя женскія головки и обратно и дѣлалъ отрывистыя замѣчанія своей сосѣдкѣ то о кушаньяхъ, то о дамахъ. Замѣчанія эти отличались безыскусственной простотой и состояли, по большей части, изъ какого-либо существительнаго и прилагательнаго и указывали на безмятежно хорошее настроеніе. По лѣвую руку отъ хозяйки сидѣлъ уважаемый другъ дома, докторъ Бергманъ, молодой врачъ, доцентъ вюрцбургскаго университета, которому въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ представилась возможность вырвать изъ рукъ смерти сначала г-жу Егерфельдъ, а затѣмъ старшую дочь ея, и который, вслѣдствіе этого, пользовался самой глубокой признательностью всѣхъ членовъ семьи.

Бергманъ былъ красивый мужчина, не достигшій еще тридцати лѣтъ и которому только серьезность его придавала нѣсколько болѣе солидный видъ. Умный лобъ, прямой, правильный носъ, большіе сѣрые глаза, смотрѣвшіе при первой встрѣчѣ очень холодно и пронизательно, нѣсколько толстыя губы съ мягкими очертаніями, темная борода и чрезвычайно густые волосы, которымъ было разрѣшено завиваться въ кудри, топорщиться и лежать, какъ имъ заблагоразсудится. Въ

общемъ получалась очень характерная голова. Въ обращеніи его замѣчалась какая то страшная смѣсь скромности или даже застѣнчивости и спокойной увѣренности въ своихъ силахъ. Не трудно было замѣтить, что гостинная и большое общество не были его обычной средой и что только у постели больного онъ чувствовалъ себя на настоящемъ своемъ мѣстѣ. Въ безцѣльной гостинной болтовнѣ онъ казался нѣсколько неловкимъ, между тѣмъ какъ въ дѣловой бесѣдѣ поражалъ ясностью и увѣренностью своей рѣчи; онъ былъ неопытнымъ ребенкомъ передъ бойкой на языкѣ молоденькой дѣвушкой и—героемъ, триумфаторомъ у постели страждущаго, взволнованнаго и жаждущаго отъ него помощи человѣческаго созданія. Вслѣдствіе этого онъ отвѣчалъ очень односложно своей собесѣдницѣ съ лѣвой стороны. Это была жена франкфуртскаго банкира, бойко поддерживавшая съ нимъ разговоръ, быстро переходя отъ архитектуры столовой къ Вагнеровской музыкѣ,—тогда какъ съ хозяйкой дома, сидѣвшей съ правой стороны, онъ съ оживленіемъ говорилъ о вліяніи современной нервозности на общественную жизнь.

Казалось, его мало занимали присутствующіе, такъ какъ онъ нѣсколько уже разъ окинулъ ихъ довольно равнодушнымъ взглядомъ, кланяясь знакомымъ и быстро дѣлая общія заключенія о незнакомыхъ. Каждый разъ при этомъ глаза его останавливались на дамѣ, сидѣвшей какъ разъ напротивъ него. Она дѣйствительно была поразительной красоты, оригинальна и очаровательна.

Насколько можно было судить по сидячей фигурѣ, она была гибка, стройна, не обнаруживая однако сла-

бости, и дѣйствию недоразвитая фигура ея не казалась сухощавой. Головка, сидѣвшая на стройной бѣлоснѣжной шейкѣ, поражала своей миловидностью и изяществомъ формъ и съ перваго взгляда напоминала бюстъ Клитіи въ Британскомъ музеѣ. Глаза невольно искали подсолнечника, изъ лепестковъ котораго она должна была появиться. Узкій лобъ ея былъ поразительной бѣлизны, носъ необыкновенно тонокъ, съ едва замѣтной горбинкой у основанія и подвижными ноздрями, настолько нѣжными, что они казались прозрачными; ротъ ея не былъ малъ, но замѣчательно красивъ формою, съ узкими, упрямо сомкнутыми губами; на губахъ этихъ безпрестанно видѣлись то рѣзкость, то насмѣшка, то горечь и въ то же время онѣ умѣли улыбаться безконечно нѣжно и увлекательно. Ея кругленькій подбородокъ могъ привести въ восторгъ любого художника, очертаніе щекъ также было строгое, и онѣ не были ни полны, ни худы и безпрестанно озарялись новымъ выраженіемъ. Но болѣе всего поражали въ этой головкѣ громадныя, синіе и, какъ море, глубокіе, влажные глаза, съ длинными рѣсницами и благородно очерченными бровями и ярко бѣлокुरые, почти золотые волосы, ниспадавшіе по обѣимъ сторонамъ на лобъ натуральными шелковистыми локонами, искрившимися отъ множества свѣчей, подобно блестящимъ крыльямъ пестрой тропической птички. Казалось, что волосы эти усыпаны были золотомъ и рубинами. Единственными ея украшеніями были брилліантовая звѣзда въ волосахъ и античный золотой браслетъ на одной изъ обнаженныхъ рукъ. Ея бѣлое платье было очень скромно и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно. Оно украшено было только двумя гирляндами искусственныхъ

цвѣтовъ, изъ которыхъ одна была положена съ одной стороны вырѣза ворота, другая—съ противоположной стороны у талии. Самый строгій критическій взглядъ женщины не нашелъ бы ничего не гармоничнаго въ этомъ туалетѣ, и самый равнодушный взглядъ мужчины не смогъ бы оторваться отъ этой головки, безпрестанно вызывавшей сравненія съ греческой камеей или русалкой, сравненія, которыя красавицѣ приходилось слышать такъ часто, что они казались ей чрезвычайно банальными.

Молодой лейтенантъ, графъ, сидѣвшій у нея съ лѣвой стороны, теперь, очевидно, нашептывалъ ей что то подобное въ ея маленькое ушко, такъ какъ лицо ея вдругъ приняло холодное, скучающее выраженіе, и взглядъ ея, задумчиво скользнувъ по ея кавалеру, перенесся въ безпредѣльную даль. Однако Бергманъ послѣдовалъ за нею очевидно и туда, потому что взоры ихъ внезапно встрѣтились, и солидный молодой человекъ не вынесъ взгляда этихъ вдумчивыхъ глазъ и покраснѣлъ. Хозяйка дома, взглянувшая на него въ эту минуту, видѣла, какъ вспыхнули его щеки, и невольно спросила: „Что съ вами?“

Онъ покраснѣлъ вторично и еще сильнѣе; но г-жа Егерфельдъ,, слѣдившая за его взглядомъ, сказала съ улыбкой:

— Ахъ, вотъ что,—васъ смутило ваше визави!

— Кто эта дама? — спросилъ не безъ нѣкотораго смущенія Бергманъ.

— Докторъ, — сказала она, на этотъ разъ уже безъ улыбки, — берегитесь! на этомъ пламени уже многіе обожгли крылышки!

— Не беспокойтесь, добрыйшая г-жа Егерфельдъ, я сдѣланъ изъ болѣе огнеупорнаго матеріала!

— Ну, ну,—я видѣла однако подозрительное зарево у васъ на лицѣ.

Слова эти смутили Бергмана. Хозяйка поспѣшно пожала ему руку и сказала:

— Ну, можно ли, мой другъ, сердиться за безобидную шутку? Вы спрашиваете, кто эта дама? я сейчасъ расскажу вамъ это. Она полунѣмка, полумериканка, зовутъ ее мистриссъ Ада Бургесъ. Несмотря на то, что она такъ красива и такъ молода, она очень несчастна. Отецъ ея былъ золотопромышленникомъ; ему принадлежала золотая мина гдѣ то въ Небраскѣ, и онъ считался богачемъ, такъ какъ имѣлъ въ Сентъ-Луи роскошную обстановку и велъ очень открытую жизнь. Дочь его, слившая первой красавицей на западѣ, съ перваго дня своего вступленія въ общество, считалась царицей всѣхъ баловъ и праздниковъ. М-ръ Бургесъ, который былъ, по слухамъ, красивый и элегантный молодой человѣкъ, былъ самымъ рьянымъ изъ ея поклонниковъ и казался безъ ума въ нее влюбленнымъ. Ада не могла остаться равнодушною къ такому настойчивому ухаживанію, и Бургесъ одержалъ побѣду надъ остальными претендентами. Оказалось однако, что онъ былъ человѣкъ съ самыми низкими побужденіями и искалъ, главнымъ образомъ, приданаго. А въ этомъ отношеніи ему пришлось разочароваться, такъ какъ золотыя мины не всегда, очевидно, даютъ хорошій доходъ; для отца Ады онъ послужили, по крайней мѣрѣ, средствомъ къ разоренію, и дочь его не получила ни пфеннига. Такое печальное открытіе немедленно положило конецъ любов-

ной комедіи Бургеса. Сначала онъ сталъ обращаться съ женою равнодушно, затѣмъ сурово, а, наконецъ, дѣла пошли такъ скверно, что она принуждена была спастись въ домъ родителей. Отвратительными сценами, которыя устраивалъ ей мужъ, первы ея были такъ потрясены, что ваши американскіе коллеги предписали ей для восстановленія ея силъ продолжительное пребываніе въ Европѣ. Она послѣдовала ихъ совѣту и живетъ, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, во Франкфуртѣ, гдѣ ее окружаетъ самое избранное общество. Вы, конечно, сами хорошо понимаете, что такая молодая, красивая и одинокая женщина не можетъ остаться безъ поклонниковъ. Къ этому надо еще прибавить американскую независимость и увѣренность въ манерахъ, которыя часто принимаются за эмансипированность и которыя придаютъ много смѣлости мушкетерамъ; однимъ словомъ, за нею ухаживали многіе и ухаживали серьезно, и она благосклонно принимала это ухаживаніе,—затѣмъ наступалъ внезапный разрывъ, который отзывался довольно тяжело на нѣкоторыхъ, болѣе нѣжныхъ, мужскихъ сердцахъ. Она отличается вообще большой неровностью въ обращеніи. Часто бываетъ весела, даже шаловлива, способна на самыя мальчишескія выходки, затѣмъ вдругъ дѣлается замкнутой, сосредоточенной и даже суровой. Остроумна она всегда, и я знаю нѣсколько мушкетеровъ, которые чувствуютъ себя неловко въ ея обществѣ,—о женщинахъ нечего и говорить.

Г-жа Егерфельдъ, безпрестанно прерываемая предлагавшими ей тостами и обращенными къ ней рѣчами, рассказывала все это своему сосѣду съ увлеченіемъ и стараясь говорить, какъ можно тише, но г-жа Бургесъ не могла не замѣтить, что ея визави говорили о ней,

и съ улыбкой погрозила г-жѣ Егерфельдъ черезъ столъ пальчикомъ.

— Бѣдная женщина!—проговорилъ Бергманъ,—имѣть такой горькій опытъ, находясь еще на порогѣ жизни... Но зачѣмъ она покоряется своей участи? Въ Америкѣ такъ легко дается разводъ.

— Не знаю. Быть можетъ изъ-за дѣтей!

— А у нея есть дѣти?

— Двое; забавно и удивительно видѣть, какъ она ихъ воспитываетъ. Чаще всего она играетъ ими, какъ куклами, проводя цѣлые часы за тѣмъ, что раздѣваетъ и одѣваетъ ихъ и таскаетъ взадъ и впередъ по комнатамъ, затѣмъ бросаетъ ихъ гдѣ-нибудь на диванъ, головой внизъ и ногами кверху. Или заводитъ съ этими каплюшками серьезные и нѣжные разговоры, стараясь внушить имъ строгіе принципы,—комедія, да и только! Но она, во всякомъ случаѣ, очаровательна...

Между тѣмъ пиръ пришелъ къ концу, пѣнящіеся бокалы поднялись въ честь послѣдняго тоста, и общество направилось въ залу. Черезъ нѣсколько минутъ кавалеры усадили своихъ дамъ въ кресла, строгій этикетъ, по которому гости были размѣщены за столомъ, былъ нарушенъ, и образовались интимные маленькіе кружки.

Мистриссъ Бургессъ отпустила своего лейтенанта холднымъ наклономъ головы, остановилась передъ прелестной маленькой работой Менцеля и внимательно разсматривала ее. Г-жа Егерфельдъ и Бергманъ въ ту же минуту освободились отъ своихъ собесѣдниковъ: она отъ своего стараго генерала, а онъ отъ банкирши,—и внезапно очутились другъ около друга.

— Желаете вы, чтобы я представила васъ Адѣ?— поспѣшно спросила хозяйка.

Онъ молча поклонился и предложилъ ей свою руку. Подойдя къ Адѣ, г-жа Егерфельдъ слегка коснулась вѣеромъ ея бѣлаго, какъ перламутръ, плеча и, когда та съ удивленіемъ обернулась, сказала ей съ привѣтливой улыбкой:

— Позвольте мнѣ, дитя мое, представить вамъ лучшаго нашего друга, д-ра Бергмана. Я должна теперь вернуться къ остальнымъ моимъ гостямъ и лишена возможности рассказать вамъ все то хорошее, что я о немъ знаю. Но вы сами съумѣете найти наиболѣе существенное. Знаете ли, мое сокровище, во всей этой многолюдной залѣ, вы оба—самые интересные люди, поэтому вамъ и слѣдуетъ поближе познакомиться другъ съ другомъ.

Съ этими словами она поспѣшила въ ту сторону, гдѣ образовалась тѣсная группа вокругъ архитектора, строившаго замокъ, чтобы, въ свою очередь, сказать ему какую-нибудь любезность.

Бергманъ стоялъ около мистриссъ Бургесъ и серьезно смотрѣлъ на нее. Какъ болѣе находчивая изъ двухъ, она сѣла на диванъ и пригласила его движеніемъ руки занять мѣсто напротивъ нея въ креслѣ.

— Г-жа Егерфельдъ много говорила про васъ и говорила съ большимъ энтузіазмомъ,— сказала она мелодическимъ, низкимъ и чрезвычайно симпатичнымъ голосомъ, который такъ и пробѣжалъ у него по нервамъ. Когда Бергманъ, молча, поклонился въ отвѣтъ на ея слова, она съ лукавой улыбкой прибавила:—и вамъ обо мнѣ, я замѣтила это за столомъ.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—и также съ большимъ энтузіазмомъ.

— Она очень добрая душа, я знаю это.—Наступила короткая пауза, которую она неожиданно прервала словами:—вы—докторъ и, несмотря на ваши юные годы, уже извѣстный докторъ, — къ чему излишняя скромность! Странно, я люблю докторовъ, и въ то-же время боюсь ихъ.

— Но почему же?

— Да почему? Я люблю ихъ потому, что они, по большей части, серьезные и умные люди, которые много знаютъ и многому могутъ научить и отъ которыхъ всегда можно узнать что-нибудь новенькое и необычайное. А боюсь я ихъ потому, что для нихъ не существуетъ иллюзій.

— Быть можетъ это далеко не такъ, какъ вамъ кажется, сударыня.

— Ахъ, нѣтъ, позвольте, какъ можетъ врачъ сохранить какія бы то ни было иллюзіи, когда онъ знаетъ человѣка и внутри и снаружи, и ставитъ чувства въ зависимости отъ зубныхъ нервовъ, настроеніе духа отъ количества влаги въ воздухѣ и характеръ отъ здороваго или больного желудка. Вы оставляете ваши иллюзіи на секціонныхъ столахъ.

— Все, что вы говорите, было бы справедливо, если бы иллюзіи и знанія вытекали изъ одного источника, а вѣдь этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

— Я не вполне васъ понимаю. Поясните мнѣ вашу мысль.

— Подъ тѣмъ, что вы называете иллюзіями, я понимаю идеальныя представленія и стремленія, которые вращаются въ области нашихъ чувствъ, а отнюдь не

области разсудка. Наши склонности и чувства имѣютъ глубокіе корни и могутъ похвастаться большей давностью, между тѣмъ какъ мысль рождается значительно позднѣе и всегда остается болѣе поверхностной. Иллюзіи наши мы получаемъ обыкновенно отъ безчисленныхъ предшествовавшихъ намъ поколѣній, а опытъ мы черпаемъ изъ индивидуальной жизни. Такимъ образомъ очевидно, что личный опытъ не можетъ перевѣсить иллюзіи, унаслѣдованныя отъ тысячи предковъ и составляющія часть нашего организма... Но, извините, сударыня, я ловлю себя на томъ, что читаю вамъ лекцію. Вотъ видите, насколько склонности сильнѣе разсудка.

— И вы просите за это извиненія? Но, вѣдь, то, что вы говорите, чрезвычайно интересно. Вы имѣете, очевидно, очень дурное мнѣніе о женщинахъ, если думаете, что онѣ не въ состояніи этимъ интересоваться.

— Я не обобщаю. Каково бы ни было мое мнѣніе о женщинахъ вообще, я и не подумалъ бы примѣнять его къ вамъ.

— Вы умѣете говорить комплименты: они у васъ не банальны.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но только посмотрѣлъ на нее такимъ очарованнымъ и молящимъ взглядомъ, что она покраснѣла и встала, играя вѣеромъ. Бергманъ также поднялся и хотѣлъ съ почтительнымъ поклономъ удалиться. Она удивленно поглядѣла на него и у нея невольно вырвалось: „зачѣмъ?“

— Я думалъ, что наскучилъ вамъ.

Она протянула ему кончики пальчиковъ, которые онъ пожалъ такъ энергично, что она поспѣшила отдернуть руку. Направившись къ одной изъ дверей балкона, она